

В.К. АРСЕНЬЕВ

О РУССКИХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКАХ*

Если обратиться к данным последней всеобщей переписи населения России, то окажется, что в общем числе всех народов, живущих на Дальнем Востоке страны, русские составляют 80%. Они первыми из славян ещё в XVII в. начали осваивать дальневосточные земли и окончательно и прочно закрепились на них в середине XIX в. Можно было бы предположить, что коль скоро русские по численности и хозяйственно-экономическому потенциалу представляют собой преобладающую часть населения, то и этнокультурная их изученность должна быть доминирующей. Но, увы, в действительности дело обстоит как раз наоборот. В этнокультурном отношении, отмечает автор книги, русские по сравнению с другими народами оказались наименее изученными. Вот почему очень важны даже самые краткие свидетельства этнографического характера о русских поселенцах на Дальнем Востоке, в частности, исследования и такого авторитетного учёного, каким был В.К. Арсеньев. И вполне логично, что к его трудам обратилась автор рецензируемой монографии доктор исторических наук Ю.В. Аргудяева, известный специалист в сфере истории, этнографии и культуры русского населения дальневосточного региона. Основным источником книги стали сведения из дневников В.К. Арсеньева, дополненные рядом архивных данных и полевыми материалами.

Издание имеет две обширные главы. Первая из них — «Русские в Приамурье» содержит два раздела: «Первые крестьянские поселения в Приамурье» и «Взаимовлияние русских и коренных народов Дальнего Востока в Приамурье». В этой главе публикуются выдержки из дневников В.К. Арсеньева, которые он сделал, когда в 1926 г. путешествовал в бассейне р. Анюя и других рек, входящих в систему р. Амура. Тогда экспедиция побывала в ряде стойбищ амурских аборигенов, а также в первых русских селениях, возникших в тех местах во второй половине XIX в. В главе также имеется ряд комментариев автора, касающихся истории заселения Среднего и Нижнего Амура русскими крестьянами и их контактов с аборигенами.

Вторая глава называется «Русские в Приморье». Она тоже включает в себя два раздела: «Первые русские поселения» и «Приморские старообрядцы». В главе печатаются сведения из дневников В.К. Арсеньева и комментарии, основанные на полевых этнографических исследованиях

* Ю.В. Аргудяева. В.К. Арсеньев — путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева. Владивосток. 2007. 272 с.

Ю.В. Аргудяевой, на записях приморских краеведов и фактуре некоторых российских архивов.

Дневниковые записи В.К. Арсеньева дают образное представление как о жизни и быте русских крестьян-переселенцев, так и о природных условиях, в которых им приходилось существовать и обустроиваться. Очень удачным представляется решение автора дать не в изложении, а в оригинале путевые записи Владимира Клавдиевича. От них веет духом того времени, и читатель как бы воочию видит обстоятельства путешествия, более глубоко воспринимает все события. Вот, к примеру, такая запись из дневника Арсеньева во время его путешествия по Приамурью.

«24 сентября 1926 г. Пятница. Дождь льёт ручьями, сильный ветер... Часов в 5 вечера прибыл пароход «Колумб». Он остановился в стороне от берега. Люди на лодках бросились к нему с намерением взойти пассажирами на его борт. Глядя со стороны, можно было подумать, что какие-то пираты берут судно на абордаж. Лодки подходили к пароходу со всех сторон. Люди взбирались на судно по верёвкам, карабкались по заднему колесу, хватались за всякий выступ. Одним это удавалось, другие падали обратно в лодки или попадали в воду. Пароход был переполнен — рабочие возвращались с приисков и всюду были набиты, как сельди в бочке. Администрация парохода старалась не пускать пассажиров, отталкивая лодки баграми, но ничего не могла поделать. Поднялась невообразимая суматоха. Места брались с бою. Пассажиры кричали, ссорились и дрались... Капитан велел пустить в ход пожарные насосы, чтобы водой из шлангов отбиться от пассажиров. Я счёл за лучшее удалиться... Для меня стало ясно: надо на лодках идти в Хабаровск...» (с. 24). Подобные дневниковые заметки занимают значительное место и очень оживляют книгу, вызывают интерес и стремление узнать, а что же там дальше? Публикуемые следом за дневниками авторские комментарии обобщают и обогащают наблюдения В.К. Арсеньева, создают у читателя более полное представление о людях, событиях и обстоятельствах путешествия Владимира Клавдиевича.

Переселения русских крестьян в районы, прилегающие к Амуру, начались в 1855 г. Переезжали крестьяне за государственный счёт. На каждую семью правительство выделило довольно значительную по тем временам сумму — 500 руб. Для крестьян были заготовлены и вместе с ними сплавлены разнообразные хозяйственные предметы и 562 головы рабочего и молочного скота (с. 67). Сообщая подобные сведения в своих комментариях, Ю.В. Аргудяева увязывает их, что надо отметить, с конкретными арсеньевскими записями. Так, если в дневниках путешественника говорится о с. Троицком, то и в авторских дополнениях речь идёт о жителях этого села. Аналогичный, если можно так сказать, параллелизм встречается и в ряде других мест книги, что, на мой взгляд, является одним из её достоинств.

Ещё одна положительная особенность монографии — насыщенность конкретикой. Читателю предлагаются не какие-то общие наблюдения и умозаключения автора, а совершенно определённые факты, цифры,

имена, почерпнутые из многочисленных источников (последних в книге упоминается почти 500!).

Богатая фактура и конкретика также свойственны разделу, в котором рассказывается о взаимовлиянии русских и коренных народов Дальнего Востока. Русские, сообщается в книге, принесли в дальневосточный регион совершенные по тому времени способы земледелия: пахоту сохой с железным наконечником, рыхление пашни бороной, трёхпольную систему севооборота с чередованием хлебных культур... С приходом русских аборигены стали использовать крупный рогатый скот не только как тяговую силу, но и для получения мясо-молочных продуктов (с. 91). Если до прибытия русских «...лет 20—30 тому назад, — писал Арсеньев в начале XX в., — все орочи носили исключительно одежду из кожи зверей и из рыбьей кожи... то теперь начали покупать сукно, полотно и шить из них себе костюмы» (с. 102).

Русские, в свою очередь, тоже заимствовали опыт у коренных жителей. Землепашество и зерновое хозяйство не всегда оправдывали себя в дальневосточных условиях, и крестьяне осваивали новые занятия, в частности рыболовство. По всему Амуру русские освоили сети аборигенов. У местных охотников переселенцы переняли способы добычи соболя и другого пушного зверя.

В общем взаимовлияние русских и коренных народов приносило обоюдную пользу. И это убедительно показано Ю. В. Аргудяевой.

Во второй главе монографии подчёркнуто, что далеко не все выбранные под селения места оказались удобными «для хлебопашества и для промышленности», и многие русские крестьяне стали изыскивать более подходящие для жизни и труда районы Дальнего Востока. Именно поэтому «...около 200 человек в 1863—1864 г. переселились к заливу Св. Ольга на побережье Японского моря, а 5 семей — в гавань Находка» (с. 127). Автор называет имена и фамилии первых переселенцев в Приморье, тем самым вводя в научный оборот новые архивные данные об условиях их жизнедеятельности, особенностях адаптации в местной природно-экологической, социально-экономической, демографической и культурной среде. И опять же здесь параллельно цитируются дневники В. К. Арсеньева, где отмечается создание первых поселений в районе бухты Ольга: «В одной приблизительно версте от бухты (Св. Ольга) в 1862 г. стала образовываться дер. Новинка...» (с. 129). Далее в авторских комментариях подробно рассказывается, кто, когда и куда расселялся на приморских землях, сообщается, что крестьяне с собой привезли — одежду, обувь, сколько рукавиц, серпов, поясов...

Вот в такой детализации удивительных мелочей, почерпнутых в записях Арсеньева, архивных «тайниках», добытых в полевых поисках автора, состоит научная ценность книги, её привлекательность.

Ещё интереснее сведения об образе жизни русских крестьян-переселенцев, их нравственном облике. Вот что по этому поводу пишет В. К. Арсеньев в начале XX в.: «Деревня Пермская. Старинная деревня, относится к первоначальным поселениям русских людей в Уссурийском крае... Экономическое состояние пермских жителей не оставляет желать ничего

лучшего. Эта деревня положительно может служить примером и образчиком для всех крестьян. В нравственном отношении — это все люди очень религиозные, сами они в Ольге построили церковь, содержат причт и добровольно, доброхотно поддерживают... церковь... В деревне они выстроили школу, наняли учителя и всячески стараются дать своим детям образование. В каждой избе не только у ребятишек, но и у взрослой молодёжи — книги... Почти все они грамотны, достаточно начитанны и развиты... они интересуются техникой, применяя у себя всё, что можно из открытий, интересуются минералогией и даже ботаникой. Кабака у них нет и пьянства не бывает. Они стыдятся и преследуют того, кто позволяет себе ругаться площадною бранью...» (с. 173—174).

Особый интерес для любопытного читателя, а для специалиста — тем более, представляет собой второй раздел второй главы «Приморские старообрядцы». И в научной литературе, не говоря уже о популярной, сообщения об этих оригинальных людях крайне редки. Тем ценнее всякие сведения о староверах — и извлечённые из архивов, и найденные при полевых изысканиях, и такие свидетельства очевидца, какими предстают перед нами дневниковые записи В.К. Арсеньева. Всех этих данных достаточно в монографии, что следует, мне кажется, рассматривать как научную удачу Ю.В. Аргудяевой.

Владимир Клавдиевич, первоначально несколько настороженно воспринявший старообрядцев, позднее не раз давал им лестную характеристику. Он пишет: «Старообрядцы на р. Амагу... — честный, приветливый, гостеприимный и зажиточный народ. Они весело и открыто смотрят в глаза того, с кем разговаривают. Они откровенно говорят о соболеваннии, о русских, о своей жизни, о своих ошибках и успехах» (с. 187).

В комментариях автора отмечается, что староверы сыграли существенную роль в хозяйственном освоении Приморья, в становлении крестьянской земледельческой культуры. Некоторые старообрядцы стали своеобразными помощниками Арсеньева в изучении особенностей флоры и фауны Приморья, сообщали ему о своих наблюдениях, исполняли его задания.

Но вообще-то дневниковые заметки В.К. Арсеньева по большей их части касаются не только и не столько старообрядцев, сколько всей массы русских крестьян-дальневосточников, чей образ жизни, трудовые занятия, социально-экономические отношения нашли отражение в записках путешественника. Вместе с авторскими пояснениями и дополнительными материалами эти записки составили незаурядный научный труд, который стал значительным вкладом в дальневосточную этнографию.

Словесную информацию, содержащуюся в книге, прекрасно дополняют и расширяют иллюстрации. Надо отметить и высокое художественное качество обложки издания, выполненной ведущим редактором электронной верстки РИО Института истории ДВО РАН А.С. Ивановым.

Нет никакого сомнения в том, что эта работа найдёт своего внимательного и благодарного читателя.

А.В. БОРОДИН, журналист